

Братья Вачовски: «Все вокруг нас — фальшивка»

ВХОД:

Сегодня о виртуальной реальности говорят так много, что слово утрачивает свой смысл. Концепция, предложенная в фильме «Матрица», является логичным завершением дефляции термина: согласно фильму, виртуальная реальность и есть настоящая, а «наша» реальность — подделка.

Примешь синюю таблетку — проснешься и ничего не будешь помнить. Примешь красную — попадешь в Страну Чудес.

Пользуясь терминологией фильма, можно сказать, что если все остальные фильмы сезона предлагают синие таблетки, «Матрица» предлагает нам красную.

«Матрица» — плод фантазий режиссеров и сценаристов братьев Вачовски, которые два года назад порадовали любителей триллеров изящным стилизованным триллером «Связь». Выпущенная в апреле «Матрица» собрала в кинопрокате США более 170 миллионов долларов. Сейчас лента выходит в США на видео под градом восторгов (за новаторство) и резкой критики (за жестокость).

КЛЮЧИ:

Нео (Киану Ривз) — анаграмма слова ONE, то есть «один», «избранный». После возрождения в виртуальном мире он становится Нео Гомо — Новым Человеком. Настоящее имя Нео — Томас. Это отсылка к Фоме Неверующему.

Морфей (Лоуренс Фишберн) — бог сна в греческой мифологии, он согласно новой концепции становится богом пробуждения (ведь сон есть реальность). «Морфей стал нашим чернокожим Белым Кроликом», — говорят братья Вачовски, намекая на «Алису в Стране Чудес».

Тринити (Кэри-Энн Мосс) — в переводе «Trinity» означает Святую Троицу. Тринити воплощает триединство женщины — матери, жены и востыльницы. Любопытные факты для киноманов: а) ранее Мосс снималась в сериале «Матрица», который не имеет никакого отношения к фильму; б) до начала съемок она не умела даже включать компьютер.

Агент Смит (Хьюго Уивинг) — легко клонируемый представитель Матрицы на Земле носит самую распространенную фамилию в США.

Братья Вачовски (Энди и Ларри) — существа из параллельного мира, пришедшие в нашу виртуальную вселенную, чтобы раскрыть поработанному СМИ людям глаза на происходящее. (Чрезмерно серьезным читателям разрешается считать последний абзац шуткой).

ЧЕТ-РУМ:

— Не возникает ли у вас духа соперничества во время работы?

Ларри Вачовски: Режиссура и вообще постановка — это сотрудничество всех со всеми. Пишем мы тоже вместе. Точнее, вместе придумываем историю, договариваемся, кто какие сцены пишет, а потом переписываем друг за другом.

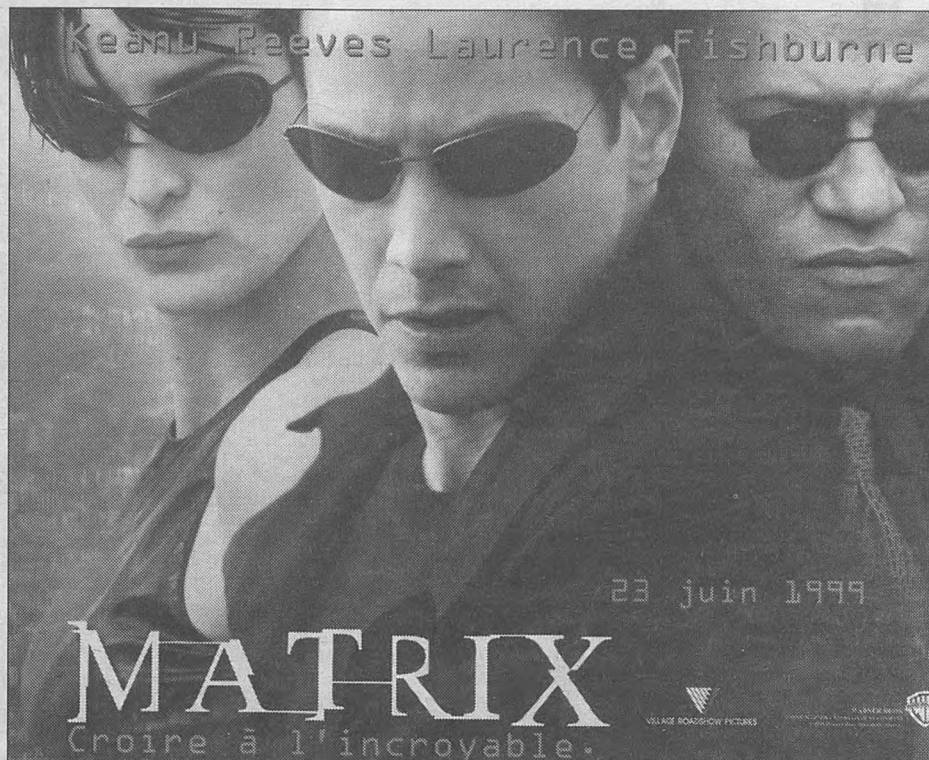
Энди Вачовски: И бегаем жаловаться маме.

— Как начинался сценарий?

Энди Вачовски: Мы начали с предпосылки, что все, во что мы верим, любая физически осязаемая вещь, с которой мы сталкиваемся, — фальшивка, сфабрикованная в электронной, машинной вселенной. Вообще-то мы долго писали этот сценарий. Он изменялся по мере того как наступал век Интернета.

— Вам не кажется, что для рядового зрителя ваша история слишком заузна?

Ларри Вачовски: Мы писали эту историю для себя и надеялись, что, может быть, другим это тоже будет интересно. Но на какой бы студии мы ни показывали этот сценарий, везде решали, что зрители не поймут сюжет. Мы говорили, что сюжет сложный и насыщенный информацией, но он позволяет поставить лучшие сцены «экшн», которые когда-либо появлялись на экране. Если зритель не врубится в идеи, он по крайней мере получит удовольствие от драк и погонь.

«МАТРИЦА»:

«Нео, тебе когда-нибудь снился сон, который казался до боли реальным? А что, если бы ты не смог проснуться и выйти из этого сна, Нео? Как бы ты мог понять, какой мир реален, а какой нет?»

Гениальный хакер Нео всю жизнь ищет ответ на этот вопрос. Он надеется, что ответить на него ему поможет Морфей — человек-легенда, самый опасный преступник на Земле. Красавица-священная Тринити ведет его в иной мир — подпольный мир, где Нео встречается с Морфеем. Он узнает правду о Матрице — правду, которая стоит гораздо дороже, чем его жизнь...

Энди Вачовски: Мне кажется, чиновники и продюсеры сами не понимали половины того, что было написано в сценарии. Лоренцо ди Бонавентура и Джозел Силвер сказали, что заинтересовались нашим проектом только потому, что им понравилась «Связь». Они попросили нас объяснить, как они выразились, «концепцию фильма». Мы почувствовали, что они вообще не врубаются, и попросили наших друзей-художников нарисовать ключевые сцены из фильма. И тогда продюсерам все стало ясно. Силвер быстро купил сценарий, но долго колебался насчет запуска — уж больно рискованным казался ему проект. Непонятно было, как исполнять трюки, во сколько это может обойтись.

— И во сколько же это обошлось?

Ларри Вачовски: 63 миллиона долларов. По нынешним временам — гроши. Мы снимали в Австралии, там намного дешевле — при том, что квалификация техперсонала ничуть не ниже.

— После «Т2» казалось, что новых спецэффектов уже не придумать. После «Матрицы» начинаешь сомневаться в том, что в спецэффектах возможны границы.

Ларри Вачовски: Как только ты сталкиваешься с цифровой реальностью, границы возможного исчезают. Нужно только подвести под сей факт сюжет и ситуации. Если герои «Матрицы» могут мгновенно скачивать в мозг любую информацию, почему они не могут за секунду стать такими же мастерами кун-фу, как Джеки Чан?

— Некоторые сцены из «Матрицы» кажутся прямоком пришедшими из гонконгских боевиков.

Ларри Вачовски: Мы считаем, что гонконгские фильмы по части «экшн» ушли намного вперед. В этих фильмах не просто дерутся. Во время драки рассказывается история. Почти всегда в поединке есть момент, когда один герой использует какой-то прием, а потом его ученик повторяет это за ним.

Энди Вачовски: Или умирающий герой

встает, чтобы нанести последний удар. Понимаете, в нашем кино герои постигают жизнь при помощи слов, а у них — при помощи драк.

— Таких трюков, какие мы увидели в «Матрице», не было ни в одном американском фильме.

Энди Вачовски: Нам хотелось привнести в западную по настроению историю восточный стиль поединков. Я имею в виду трюки с помощью тросов. «Матрица» стала идеальной возможностью соединить Восток и Запад.

— Что значит — трюки с помощью тросов?

Энди Вачовски: В Америке трюки делают с помощью пневматики или чисто механических приспособлений. Просчитывается траектория, по которой человек должен пролететь по воздуху, ставится катапульта, обеспечивается безопасность приземления. От сих до сих — и все. А в Гонконге подобные трюки делаются с помощью тончайших тросов, они подбираются под цвет фона, чтобы их нельзя было заметить. На них подвешивают людей. С тросами трюки можно схореографировать гораздо точнее и, что самое главное, намного изощреннее. Это все равно что работать с куклой-марионеткой, только вместо нее — реальный человек.

— Вы выписывали специалистов из Гонконга?

Ларри Вачовски: Да — нам удалось запустить самого знаменитого гонконгского координатора трюков Юэн Во Пина. Он согласился с нами работать при условии, что сам будет тренировать исполнителей.

— Но ведь вы подвешивали не каскадеров, а самих актеров!

Энди Вачовски: Совершенно верно. Киану Ривзу пришлось три месяца тренироваться, потому что для исполнения трюков на тросах нужно идеальное владение телом. Иначе не удастся держать равновесие. Поэтому мы и пригласили Киану — он не звезда, а настоящий актер, соглашающийся пойти на многие жертвы ради

хорошего фильма. Другой исполнитель вряд ли согласился бы несколько месяцев тренироваться — за это время он бы успел сняться в другом фильме и получить 10 миллионов долларов.

— Можно ли считать «Матрицу» началом новой мифологии?

Ларри Вачовски: Мы надеемся — потому что страстно верим в важность мифологии и необходимость пропитки ею всей человеческой культуры. Нас интересует мифология, теология и, до определенного уровня, высшая математика. Все три направления представляют собой попытки человечества ответить на важный вопрос — в том числе на Самый Важный Вопрос. Когда ты начинаешь готовиться к любой эпической истории, нужно прежде всего задать себе этот вопрос и вообще подумать об основополагающих вещах. Люди могут не понять всех аллюзий в нашем фильме, но когда речь заходит о самых важных вещах, они понимают. Нам хотелось, чтобы люди задумались, чтобы они немного потренировали свои мозги.

— В официальных биографиях ничего не говорится о вашем образовании.

Ларри Вачовски: Меня выгнали из колледжа Bard.

Энди Вачовски: А меня — из Emerson.

— Для лентяев, выгнанных из колледжа, вы слишком начитаны. В вашем фильме есть отсылки к Льюису Керролу, к Уильяму Гибсону, к греческим источникам, к Библии.

Ларри Вачовски: Это неизбежно. Библия ищет ответы на многие важные для человека вопросы. В фильме мы делаем отсылку к истории Навуходоносора. Ему приснился сон, которого он не помнит, но все же пытается найти ответ на мучающий его вопрос. Затем — вся концепция мессии. Это не только иудейский и не только христианский миф; та часть, что затрагивает вопрос реинкарнации, восходит к буддизму.

— Отсылки к «Алисе в Стране Чудес» порой кажутся немного навязчивыми. Например, Морфей говорит Нео: «Ты попадешь в Страну Чудес и я покажу тебе, как глубока кроличья нора».

Ларри Вачовски: «Алиса» — это история о сознании и осознании мира. Это детское восприятие мира взрослых. «Матрица» — о рождении и эволюции сознания. Фильм начинается как безумие, но постепенно вещи начинают обретать логический смысл.

— Вам никогда не хотелось экранизировать киберпанк-роман «Нейромансер» Уильяма Гибсона?

Ларри Вачовски: Он практически неэкранизируем. Когда этот роман появился, мы прочитали его и решили, что сделать эту историю киногеничной можно, только вывернув ее наизнанку. То есть сделать виртуальной ту реальность, в которой мы живем.

— Ваш фильм называют помесью комикса и компьютерной игры. Вас это не обижает?

Энди Вачовски: Нет, почему же? Мы очень любим комиксы.

— Какие комиксы вы любили в детстве больше всего?

Энди Вачовски: Почему — только в детстве? Мы читали комиксы лет до 20! Мы обожали комиксы Джека Кирби. Нам даже сейчас нравятся картинки, на которых парня бьют так, что он прошибает в падении стеной.

— И при этом вы интересуетесь теологией и высшей математикой?

Ларри Вачовски: Одно другому не мешает. Однажды нам в голову пришла идея, что математика и теология по сути почти одно и то же. И та и другая наука начинается с набора очень простых постулатов, из которых затем можно вывести огромное множество сложнейших формул и законов. И когда эти законы уходят в бесконечность, человек оказывается в замкнутом кругу: все загадки, на которые нет ответов, упираются в проблему личного восприятия и отношения. Во время путешествия Нео сталкивается со многими правилами, и многие люди пытаются навязать ему собственное восприятие истины. Но он не принимает ничьей точки зрения, пока не дойдет до конца пути и не получит собственное представление о происходящем. И это становится его вторым рождением.